

Рецензия на узбекские учебники истории: взгляд из России

1) Ж. Рахимов. История Узбекистана (вторая половина XIX века - начало XX века). Учебное пособие для 9 класса. Ташкент: “Узбекистан”, 2001;

2) Г. А. Хидоятов, В. А. Костецкий. История Узбекистана (вторая половина XIX - начало XX вв.). Учебное пособие для 9 класса. Ташкент: “Узинкомцентр”, 2002.

В 2002 году посол Российской Федерации в Узбекистане Д. Рюриков направил в Министерство печати и информации РФ письмо с протестом против издания в Республике Узбекистан учебника (на русском языке) для 9 класса общеобразовательной школы. По мнению Посла, учебник Ж.Рахимова, в котором говорится о Туркестанском крае в составе Российской империи (вторая половина XIX - начало XX вв.), имеет “антирусскую направленность”, “крайне однобоко” и “негативно” освещает события XIX в., “затмевает” реальную историческую картину того времени. Д. Рюриков полагает, что “Книга историка Ж. Рахимова - одна из причин того, что за последние годы Узбекистан покинуло и переехало жить на новые места свыше 300 тысяч русских”. По мнению Посла, предпочтительней “более корректный” учебник Г. А. Хидоятова и В. А. Костецкого, хотя и он “вызывает немало вопросов”.

Настоящая экспертиза преследует своей целью выяснить следующие вопросы:

- 1) чью позицию отражает учебник;**
- 2) правильно ли учебник излагает факты;**
- 3) есть ли в учебнике “антирусская направленность”.**

Ж. Рахимов. История Узбекистана (вторая половина XIX века - начало XX века). Учебник для 9 класса. Ташкент, 2001, 334 с.

1. Как явствует из титульного листа, учебник был издан впервые в 1999 г. на узбекском языке. В 2001 г. появилось переиздание, переведённое на русский язык. Тираж переиздания - 30 тыс. экз. Учебное пособие “утверждено” Министерством народного образования Республики Узбекистан в качестве учебника для учеников 9 класса общеобразовательной школы. Автор - Жумабой Рахимов - кандидат исторических наук, специализирующийся на популяризации исторических знаний и мало известный в научных

кругах. Профессионально изучением Туркестана на рубеже XIX-XX вв. он не занимается. Книга издана под редакцией д.и.н., проф. К. Усманова, в качестве рецензентов названы акад. Б. Ахмедов, д.и.н. А. Саадуллаев (Саъдуллаев), к.полит.н. Н. Жураев, а также несколько учителей. Таким образом, *учебное пособие имеет вполне официальный характер, довольно массовый тираж, его “осветили” своим именем уважаемые узбекские учёные* (каковым является, например, акад. Б.Ахмедов).

2. Учебное пособие с самых первых страниц объявляет, что “во главу угла” ставит “правдивость” и “объективность” (с.3). При этом содержание учебного пособия страдает явно односторонними оценками и суждениями.

В книге можно найти немало ошибок. Справедливости ради надо сказать, что значительная часть этих ошибок - результат небрежности, а не целенаправленного искажения фактов. Но и последнее в книге встречается. Например, Ж. Рахимов пишет, что при русских “были увеличены ставки налога”, который должны выплачивать крестьяне (с.148). При этом он “забыл” сказать, что налоговая ставка составила всего 10% от урожая, тогда как до русского завоевания крестьяне платили 25%. Ж. Рахимов пишет, что “выходцев из числа инородцев”, пытавшихся изучать русский язык и русскую культуру, в русском обществе “недолюбливали”, и в качестве примера упоминает казахских деятелей Абая Кунанбаева и Чокана Валиханова (с.287), что также является неправдой, поскольку именно эти лица пользовались большим уважением, имели высокие чины и должности в российском обществе, сами были сторонниками более глубокого русского влияния на среднеазиатское население.

Если Ж. Рахимова и можно упрекнуть, то скорее не в прямых ошибках, а в очень предвзятом толковании фактов, выпячивании негативных сторон и замалчивании позитивных. Приведу несколько примеров.

Говоря об административных реформах 1870-1880-х гг., Ж. Рахимов подробно описывает систему управления Туркестанским краем, в частности, структуру центрального аппарата, областного и уездного управления. После чего делается вывод, что система управления представляла собой “форму русского правления” и “противоречила особенностям исторического развития народов Средней Азии” (с.147). При этом “забывается”, что русская власть ввела понятие “местного самоуправления” на уровне волости и сельского общества, передав все права выбора местных чиновников самому “народу”, организовав очень демократичную процедуру этих выборов и наделив местные органы власти (“сход” и “управителей”) большими полномочиями. По сути дела это был первый опыт становления демократии в регионе после столетий самоуправления и деспотизма.

Говоря об экономических реформах и изменениях в Туркестанском крае, Ж. Рахимов пишет исключительно об обнищании крестьян и о росте числа безземельных (с.157-158, 203), о разорении ремесленников (с.159-160), строительство железных дорог в регионе он описывает только как способ “вывоза сырья” (с.153), хлопковую монополию - как “грабеж Туркестана” (с.201) и т.д. При этом ничего не сказано о том, что железная дорога (построенная на казённые средства) связала Среднюю Азию со всем остальным миром, открыла жителям региона путь на Запад и Восток, наполнила регион дешёвыми и качественными товарами, способствовала культурному и экономическому развитию. Фразы вроде “вывоз сырья” являются грубой подтасовкой, поскольку это сырьё покупалось, причём за приличные деньги. Хлопковая монополия (и высокие цены на хлопок), при всех её негативных последствиях, резко подняла (!) жизненный уровень местного населения. Причём даже безземельный рабочий, вынужденный зарабатывать на найме, стал получать больше, чем когда-то зарабатывал средний по достатку землевладелец. Туркестан стал местом притяжения десятков тысяч рабочих рук со всех соседних стран. Население Туркестана за 50 лет выросло в 2-2,5 раза (с 3-3,5 млн. человек на момент завоевания до 7,5 млн. к 1916 г.) и достигло тех цифр, которых Средняя Азия никогда до этого не знала. Это означает, что смертность (особенно детская!) среди жителей Туркестана резко снизилась, а продолжительность жизни возросла, чего не могло бы произойти при тотальном обнищании и ухудшении качества жизни. Что же касается эксплуатации, то она исходила не только от русских промышленников и торговцев, но и от местных баев и перекупщиков, о чём автор учебного пособия также говорит очень неохотно.

И последний пример. Автор пишет: “Русские колонизаторы были постоянно в “состоянии войны” с туркестанским народом. Они ничем не гнушались и хотели практически уничтожить местные обычаи мусульман” (с.174). После этого в книге перечисляются многочисленные случаи восстаний и беспорядков, демонстрирующих будто бы “национально-освободительное движение”. Однако внимательное прочтение показывает, что в число “национально-освободительных” зачислены как восстание против кокандского хана (ещё до завоевания этого государства русскими), так и многочисленные беспорядки, которые имели место при выборах (!) сельских и волостных чиновников из числа коренного населения. В “народного мстителя” превратился некий Намаз, который, судя по описанию его “подвигов” на целых 4-х страницах (с.215-218), был обычным уголовником. Автор подробно говорит об известном восстании 1898 г. в Андижане под руководством Дукчи-ишана, придавая этому событию первостепенное значение в “национально-освободительной борьбе”, но почему-то забывает сказать, что большинство местной (т.е. коренной) интеллигенции осудило действия Дукчи-ишана и даже бухарский учёный Абдуазим Сами

(который у Ж. Рахимова фигурирует в числе самых значимых фигур местной культуры (с.295) и которого трудно заподозрить в симпатиях к русским) отрицательно высказался в отношении руководителей андижанского восстания.

В конце учебного пособия Ж. Рахимов приводит по пунктам список прегрешений Российской империи “в области политики”, “в области экономики” и “в области просвещения и образования” (с.325-326). Аналогичному списку достижений места в книге не нашлось.

Анализ учебного пособия, подготовленного узбекским историком Ж. Рахимовым, приводит к заключению, что *рецензируемая книга, безусловно, содержит многочисленные случаи искажения фактов, противоречия и однобокую интерпретацию*. Причём все эти недочёты представляют собой не случайный набор, а имеют очевидную цель - *выставить политику Российской империи в XIX - начале XX вв. в исключительно негативном свете*.

3. Ж. Рахимов явно злоупотребляет негативной и эмоционально окрашенной терминологией при описании событий на рубеже XIX-XX вв. При завоевании Средней Азии со стороны русских, по его мнению, “жестокость была беспримерной” (с.83) (“беспримерной” - значит, русские завоеватели были более жестоки, чем все другие завоеватели?). Такая характеристика сопровождается описаниями военных действий, в которых русские солдаты предстают в роли садистов, убивающих без разбора стариков, женщин и детей. Эта картина дополняется фотографиями и рисунками с трупами (без ссылки на источник), что ещё более усиливает эмоциональное воздействие на читателя (15-16-летнего подростка!). Как утверждает Ж. Рахимов, русские власти (“русские шовинисты”) имели к местному населению “недоверие”, “неуважение” и “другие виды шовинистических отношений” (с.133). По мнению автора, русские правители были “коварными” и “непримиримыми врагами народов Средней Азии” (с.133).

Все, кто сотрудничал с русской властью, именуется “предателями” (которые “пособачьи... верно” (с.250) служат колониальной администрации), все, кто выступал против - “патриотами”.

Автор противопоставляет Российскую империю другим империям того времени - Франции и Великобритании, считая, что последние были более “мягкими” по отношению к своим колониальным владениям. Он пишет, что Россия - это “вор имущества в мировом масштабе” (с.133), ссылаясь на некое “выражение”, известное в XIX в. В другом месте автор цитирует какого-то анонимного автора начала XX в.: “история сама наделила русский народ способностями колонизатора” (с.195).

Некоторые высказывания Ж.Рахимова в отношении русской культуры в прошлом можно при желании трактовать как его отношение и к современной русской культуре в

Узбекистане. Явно неприязненно говорит Ж. Рахимов о переселении “русских” и “славян” в Среднюю Азию на рубеже XIX-XX вв. (с.149), полагая, что “представители русской национальности должны были быть опорой русского царизма, выполняя роль доносчиков” (с.149), а сама миграция русского населения отрицательно сказалась “на моральной и материальной сторонах жизни местного населения” (с.152). В этих высказываниях можно найти завуалированное противопоставление местного и русского населения. Так же негативно оценивает автор внедрение русско-туземных школ в Туркестане, видя в этом политику русификации (с.285-286). Здесь, наверное, можно угадать намёк на отрицательное отношение к преподаванию русского языка в современных узбекских школах.

Очевидное стремление преуменьшить значение русской культуры можно найти в том разделе учебного пособия, который посвящён “культурной жизни Туркестана” на рубеже XIX-XX вв. Ж. Рахимов пишет о “честных”, “передовых” и “бескорыстных” русских учёных, которые “заслужили благодарность” “нашего народа” (с.288-289). При этом в книге оговаривается, что русских учёных использовали в колониальной политике. В рассказе о конкретных деятелях культуры русские учёные отодвинуты на второй план, некоторые из них (Н. И. Веселовский, А. Л. Кун, Н. А. Северцев, П. П. Семёнов-Тяньшаньский, А. П. Федченко и другие) лишь кратко упомянуты, а о большинстве (В. Наливкин, Н. Лыкошин, А. Семёнов, Н. Остроумов и многие другие) почти ничего не говорится. В учебном пособии ни одного слова не сказано о великом востоковеде В.В.Бартольде. С точки зрения Ж. Рахимова, если судить по учебному пособию, в “культурной жизни” Средней Азии не существовало русской архитектуры, музыки, театра и т.д. Возникает естественный вопрос: а существует ли русская культура как часть культурной жизни современного Узбекистана?

Некоторые высказывания Ж. Рахимова можно назвать провокационными. Так, автор называет другие колонии, где правила “беспощадная империя”. При этом в одном ряду с “берегами Балтийского моря” и “украинскими степями” он упоминает “кавказские вершины” и “Дальний Восток”. Тут же, в числе захваченных в колониальный плен, автор называет “Башкирстан”, Сибирь и Калмыкию (с.133). Не говоря об ошибке (те же калмыки переселились в XVIII в. на нижнюю Волгу по разрешению русских властей, и никакого завоевания Калмыкии не было), эти фразы можно трактовать как непризнание современного российского статуса перечисленных территорий, что было бы странно для издания, официально “утверждённого” правительственным органом Узбекистана. Справедливости ради надо сказать, что автор не призывает к “освобождению” Калмыкии или “Башкирстана”, а упоминание этих регионов носит скорее случайный характер.

Ж. Рахимов не является апологетом Востока. В учебном пособии очень осторожно говорится об исламе, значение которого даже преуменьшается. Автор поддерживает

прогресс, сочувственно пишет о борьбе с пережитками, отсталостью и невежеством, осуждает “невежественные и фанатичные силы Туркестана”, которые “воспринимали отрицательно всю европейскую передовую науку и культуру” (с.288).

Два раза - во введении и заключении - автор повторяет, что учебник не носит антирусской направленности. Первый раз он пишет: “когда в учебнике встретятся такие выражения, как “русские захватчики”, “русские шовинисты”, будет неправомерно относить их ко всему русскому народу. Основная вина за это ложится на русское руководство” (с.6). И тут же говорится следующее: “Нельзя не учитывать и того, что и царская Россия и Советы воспитывали русский народ в духе шовинизма” (с.6). В заключении Ж. Рахимов ещё раз оговаривается: “безусловно, политика царской России была в сущности чужда русскому народу” (с.315), и “никто не заинтересован в нарушении дружбы между русским и узбекским народами” (с.316). Надо признать, что такого рода вставки выглядят вынужденными и искусственными.

Итак, учебное пособие *несёт в себе антирусский подтекст, подчёркивает чужеродность и даже враждебность русской культуры среднеазиатскому населению, противопоставляет Россию и русских среднеазиатскому обществу*. Однако эта антирусская направленность *имеет неявный, скрытый характер*. Автор учебного пособия оговаривает, пусть формально, что его претензии к Российской империи не распространяются на весь русский народ.

Г. А. Хидоятов, В. А. Костецкий. История Узбекистана (вторая половина XIX - начало XX вв.). Учебное пособие для 9 класса. Ташкент, 2002, 159 с.

1. Данное учебное пособие было издано в 2002 г. на русском языке. Тираж переиздания - 10 тыс. экз. Книга “рекомендована” Министерством народного образования Республики Узбекистан в качестве учебника для учащихся 9 классов общеобразовательной школы. Как указано, учебное пособие является победителем тендера, организованного в 2002 г. МНО РУ. Авторы - проф. Университета мировой экономики и дипломатии, консультант МИДа Гога Абрамович Хидоятов и главный методист Республиканского центра образования, учитель истории и права Василий Ануфриевич Костецкий. Первый из них - бывший декан Исторического факультета Ташкентского государственного университета (ныне Национальный университет) - известен своими многочисленными публикациями и выступлениями на международных конференциях. Второй является составителем тестов по истории для поступающих в ВУЗы, автор многочисленных учебников и методических пособий. Участие в написании книги этих двух авторов должно символизировать объективность и умеренность её содержания. Оба автора не являются, тем не менее,

специалистами по Туркестану на рубеже XIX-XX вв. В качестве рецензентов названы д.и.н., проф. Д. Алимова (директор Института истории Академии наук РУ), к.и.н. К. Раджабов, представители ряда государственных органов, ответственных за образование, и несколько учителей. Таким образом, *учебное пособие имеет более официальный характер, чем книга Ж. Рахимова, но при этом меньший тираж.*

2. Учебное пособие в два раза меньше объёмом, чем книга Ж. Рахимова. Материал в нём изложен довольно сухо и кратко. Тем не менее и эта книга не свободна от недостатков.

Данное учебное пособие также грешит искажениями фактов. Например, говоря о системе местного самоуправления, авторы пишут: “Если в доколониальные времена назначение на должность было результатом тщательного (!) отбора кандидатов, признания доверия к нему у населения и его компетентности, то выборная система ослабила эти требования” (с.56). Получается, что произвол в ханствах, где на должность люди назначались чаще по родственному признаку, за взятки или в результате завоеваний и восстаний, лучше, чем демократическая система выборов (всем населением, большинством голосов)!

Авторы пишут, что “земли Туркестанского края” в результате аграрных реформ в 1870-1880-е гг. стали “собственностью России”, а “местное население лишалось исторических прав на свою собственную землю” (с.51). На самом деле коренное население получило от России свои земли в наследственное, неотчуждаемое пользование с правом продажи-покупки, т.е. фактически в частную собственность. При этом, сокрушаясь по поводу введения русской властью некоторых ограничений (а не запрета) на вакуфную собственность мусульманских учреждений, авторы мимоходом говорят о том, что земля, согласно Положению 1886 г., была безвозмездно передана от богатых трудящимся. Это была реформа, на порядок более прогрессивная, чем аналогичная реформа 1861 г. во внутренних районах России (по которой русские крестьяне получили землю за выкуп и т.д.). Тему снижения налогов русскими властями авторы пособия вовсе не затрагивают.

Авторы, как и Ж. Рахимов, пишут о строительстве железных дорог только с отрицательной точки зрения (с.58). Даже освобождение коренного населения Туркестана от воинской повинности, что было, безусловно, особой льготой для завоёванных территорий (и нарушение чего, собственно, и явилось причиной беспорядков в 1916 г.), трактуется негативно - как отлучение местных жителей от военного дела (с.59). И здесь учебное пособие мало чем отличается от того, что пишет Ж. Рахимов. Это же касается последствий экономической политики России, которые Г. А. Хидояттов и В. А. Костецкий, как и Ж.Рахимов, характеризуют почти исключительно в негативном ключе: она привела к “разорению”, “обнищанию” и т.д. (с.61-64). В таком же тоне написано заключение: “колонизация края царской Россией привела в начале XX в. к глубокому политическому и

экономическому кризису в Туркестане” (с.140). Никаких положительных итогов вхождения в состав Российской империи (увеличение доходов, рост населения, появление первых демократических институтов, проникновение европейской культуры, открытие миру и т.д.) авторы не видят. Таким образом, *общая концептуальная линия у учебника Г. А. Хидоятова и В. А. Костецкого та же, что и в учебнике Ж. Рахимова.*

3. Авторы учебного пособия не противопоставляют местное население русскому. В отличие от Ж.Рахимова, который явно злоупотребляет словом “русский” в соседстве со словами “завоеватель”, “колонизатор”, “шовинист” и т.д., а потом вынужден “оправдываться” и подчёркивать свою лояльность “русскому народу”, Г. А. Хидоятов и В. А. Костецкий не делают ни того, ни другого.

Авторы данного учебного пособия не используют, в отличие от Ж. Рахимова, терминологию и фотографии, которые могли бы придать тексту эмоционально негативную окраску. Даже некоторые сложные эпизоды, например, из истории завоевания Средней Азии, которые имеют выигрышный с точки зрения демонстрации жестокости русских солдат материал, изложены осторожно. Так, во время восстания в Самарканде летом 1868 г. действительно было убито много местных жителей, в том числе невинных, и действительно население города яростно сопротивлялось захватчикам. Об этом писал в своих воспоминаниях русский художник В. Верещагин, очевидец событий. Ж. Рахимов активно использует в своей книге эти свидетельства, тогда как Г. А. Хидоятов и В. А. Костецкий пишут: “войска эмира вошли в город и совместно с самаркандскими повстанцами атаковали цитадель города, где закрепился гарнизон царских войск. Атака была стихийной и регулярным войскам, прошедшим хорошую боевую выучку, было несложно отбить нападения повстанцев” (с.36). И всё!

Любопытно, что, описывая так называемое “холерное восстание” в Ташкенте в 1892 г., авторы учебного пособия специально подчёркивают, что оно “не было антирусским” и было направлено скорее против представителей местной власти (с.68). Напомню, что Ж. Рахимов считал “холерное восстание” одним из очевидных фактов “национально-освободительного движения”. Без пиетета Г. А. Хидоятов и В. А. Костецкий пишут также о восстании Дукчи-ишана в 1898 г.

В книге нет противопоставления России другим колониальным державам того времени. Отсутствует ощущение, которое создаётся из чтения книги Ж. Рахимова, что именно Россия была самой жестокой и самой несправедливой империей.

Однако в разделе, где говорится о “развитии культуры в Туркестане”, повторяются некоторые идеи, которые имеют место в книге Ж. Рахимова. Большая часть раздела посвящена местным деятелям науки, искусства и литературы. О русских говорится, что

“долгое время почти ничего не делалось для проведения научных исследований” (с.127) и “научные изыскания проводились эпизодически, главным образом силами энтузиастов, без поддержки государства” (с.128). И это при том, что можно назвать сотни, если не тысячи, названий трудов того времени на русском языке, посвящённых Средней Азии! И это несмотря на то, что в крае действовало несколько научных сообществ, многие из которых находились под патронажем государства! И это несмотря на то, что государство из казны выделяло деньги на ремонт и реставрацию разрушавшихся памятников культуры, создание музеев и библиотек, проведение археологических и этнографических исследований! Из русских же учёных в учебном пособии упомянут только В. Л. Вяткин (с.128), несмотря на то, что право сохраниться в памяти жителей Узбекистана заслуживают десятки русских учёных. Опять, как и у Ж. Рахимова, ни слова не сказано о В. В. Бартольде.

Итак, учебное пособие, написанное Г. А. Хидоятовым и В. А. Костецким, несомненно, *гораздо более корректно и нейтрально* в описании событий второй половины XIX - начала XX вв. Однако в большинстве случаев *эта корректность и нейтральность имеет внешний характер*. Между тем, *что касается содержания или концептуальной стороны дела, то учебное пособие Г. А. Хидоятова и В. А. Костецкого мало чем отличается от учебного пособия Ж. Рахимова.*

Выводы:

1. Упомянутые выше учебники читать обидно. В некоторой своей части написанное в них неверно и несправедливо. Однако от учебника нельзя требовать научной точности и полной объективности, поскольку он предполагает упрощённые тезисы и формулировки. За редкими исключениями, ничего по сути “криминального” по отношению к *современной России*, ничего *откровенно и открыто антирусского* эти учебные пособия не несут. Они не направлены на конфронтацию с нынешней Россией. Объект их неприязни - *прежняя Россия*. Осуждение колониального периода стало в нынешнем Узбекистане частью национальной идеологии (национальной мифологии!), т.е. элементом прежде всего внутренней, а не внешней политики. Похожие высказывания о роли России в Средней Азии на рубеже XIX-XX вв., разные по степени эмоциональности и доказанности, *можно услышать от всех узбекских учёных и политиков*, включая президента Ислама Каримова. Это обычный идеологический приём, к которому прибегают все недавно возникшие национальные государства для легитимизации нового режима, консолидации новой нации из различных этнических, конфессиональных и клановых осколков. Нечто похожее можно наблюдать и в самой России - как на уровне национальных республик, так и на уровне русского национального самосознания (мы также, например, больше пишем в учебниках об

отрицательных последствиях татаро-монгольского завоевания или об отрицательных целях Наполеона в 1812 г., хотя в первом случае были очевидные положительные результаты - прекращение междоусобицы, во втором - обещание освободить русского крестьянина от унижительной крепостной зависимости).

2. Надо признать, что идеологизированность узбекских учебников есть в какой-то мере результат идеологизированности советского времени. Нынешнее искажение истории является результатом “эффекта отрицания”, когда всё, что говорилось и утверждалось в прошлом, отвергается, и “эффекта открытия”, когда вдруг обществу были представлены неизвестные и скрытые факты, а также были разрешены мнения и оценки, ещё недавно считавшиеся запрещёнными. Конечно, в таких условиях неизбежны перекосы, но этот этап надо переболеть и перетерпеть. К тому же российская наука пока не может противопоставить “националистическому” и “антиколониальному” взгляду на историю Средней Азии какую-то другую альтернативную версию, которая бы могла избежать как перекосов “имперского” и “советского” видения, так и современных ошибок. К сожалению, нынешние политики и учёные России сами порой не готовы признать очевидные вещи - большие жертвы среди местного населения во время завоевания Средней Азии, наличие целого пласта культуры в трудах джадидов, экономические и политические ошибки туркестанской власти и т.д. **Наша наука сама не может однозначно ответить на вопросы, что было в истории Российской империи “хорошо” и что “плохо”.** Вправе ли тогда мы критиковать наших коллег? К тому же надо принять во внимание, что в Узбекистане также нет однозначной оценки роли России, что демонстрирует учебник Г. А. Хидоятова и В. А. Костецкого, изданный и предложенный школам вместо учебника Ж. Рахимова.

3. Российская сторона - на уровне Посла в Республике Узбекистан и т.д. - вправе поднимать вопрос о том, чтобы официальные издания, в первую очередь учебники для общеобразовательных школ, были написаны корректно, без выпадов против “русского народа”, без недостоверных фактов, негативно освещающих историю России, без оскорбительных ярлыков и т.д. Тем не менее **протесты** со стороны российских органов власти по поводу содержания учебных пособий, посвящённых истории Туркестанского края в составе Российской империи, т.е. истории **уже 100-летней давности**, на мой взгляд, **не нужны**. Эти протесты могут только усилить интерес узбекской общественности к книге Ж. Рахимова, сделают автора популярной фигурой, вызовут сочувствие к нему из-за нападок “новых колонизаторов”. Более разумной является другая стратегия: обоснованная научная критика вышеизложенных взглядов; поддержка собственных (российских) учёных, занимающихся историей и культурой Средней Азии; проведение совместных с узбекскими

(и не только узбекскими, но и таджикскими, казахскими и т.д.) учёными исследований, конференций, семинаров (в том числе приглашение узбекских учёных на конференции в Россию); предоставление возможности для узбекских специалистов поступать в аспирантуры и стажироваться в крупнейших вузах и институтах России и т.д.